

Жаль, что ТВС отключили так поздно

Листова Елизавета

За день до премьеры Елизавета ЛИСТОВА рассказала обозревателю «Известий» Анне КОВАЛЕВОЙ о том, как возник этот проект, зачем он нужен ей и стране, а заодно и о том, почему надо было раньше закрыть канал ТВС.

— Что вы делаете в «Советской империи»?

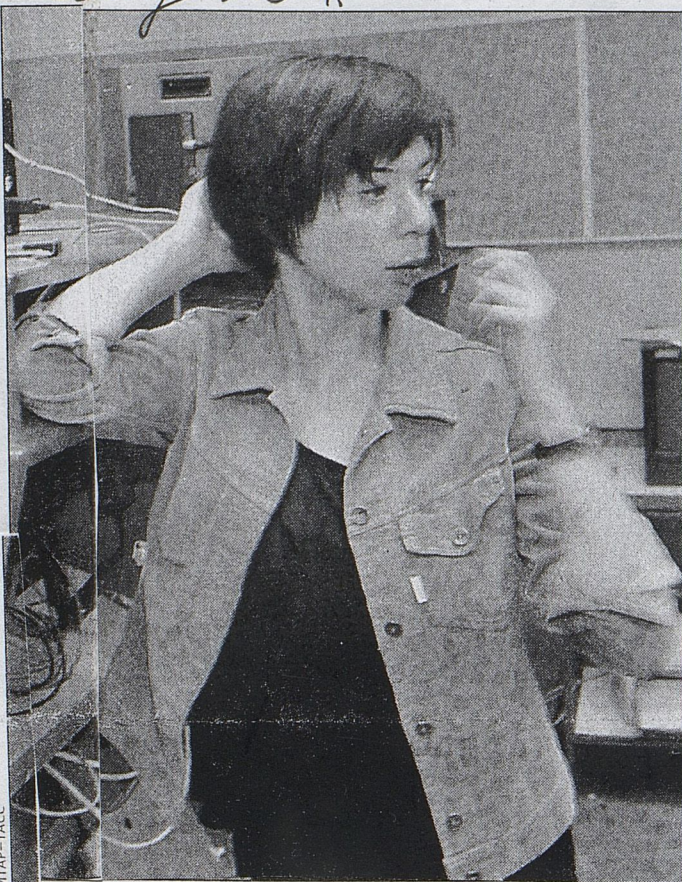
— Моя зона ответственности — это, скажем так, стройки века. Мы выбрали суперобъекты Советского Союза, которые перестали, да никогда и не были, просто архитектурными сооружениями, но являются еще и своего рода знаковыми образами страны как мы ее себе представляем.

— И что же стало знаковыми образами страны?

— Например, в это воскресенье выходит фильм о гостинице «Москва», потом — о монументе Родина-мать, в работе — хрущевки и Останкинская башня, летом надеемся снять наши каналы — от Волго-Дона до Беломорканала, Братскую ГЭС... Мне хотелось показать то, что люди не привыкли замечать, особенно в телевизионном изложении. Потому что мало кто выбирает в качестве главного героя для фильма дом. Он не разведчик, не доярка, он вообще не человек, он не говорит и не движется. У нас, к сожалению, не принято уделять внимание архитектуре. Мы смотрим все больше под ноги, чем вверх. И мне кажется, что если бы архитектура входила хоть в какую-нибудь систему ценностей нашего сознания, то вряд ли бы стали разбирать гостиницу «Москва», сносить Военторг, повально уничтожать рядовую московскую застройку XVIII—XIX веков, пусть это были неказистые домишки, но они формировали облик города. Мы все любим свои дома, но не замечаем ничего вокруг. Я хотела, чтобы мы перенесли любовь к своему жилищу на общественный ландшафт, увидели, что у этих домов есть своя история, свои радости, горести, свое прошлое.

— С точки зрения эмоций интереснее и приятнее смотреть фильмы о памятных архитектурных прошлых веков, а никак не о советских колоссах.

— Когда я стала детально разбираться в истории создания этих громадин, то выяснилось, что сюжеты там почище мексиканских сериалов. Вдруг образовался такой каменно-бетонный детектив. Например, несимметричный фасад гостиницы «Москва» объясня-

ИТАР-ТАСС

ют тем, что Сталин якобы подписал два варианта чертежей этого фасада, разделив их по осевой линии. А на самом деле страшнее: это было следствием суровых конфликтов разных формаций архитекторов, которые буквально отразились на внешнем облике здания. Или Вучетич, который первоначально совершенно по-другому представлял себе Родину-мать, а так и огромной она оказалась из-за того, что Никита Сергеевич, увлеченный кампанией «догоним и перегоним Америку», захотел, чтобы она была не меньше статуи Свободы. При этом ее ставили на Магаевом кургане, где располагались массовые захоронения, — как говорят служители, там около тридцати четырех тысяч могил было. И изначально готовились к статуе такого размера и соответственно проводили все инженерные геологические и прочие работы, а им привезли в два раза больше. Могилы пришлось засыпать. Монумент ставили, чтобы чья-то память погибших, но при этом с самими погибшими обошлись по меньшей мере странно. Так историй масса — здесь вам и мелодрама, и детектив, и политическая интрига... Так что этот угол зрения на советскую историю —

через архитектуру — дал такой неожиданный результат.

— Говорят, что вы используете какие-то невиданные спецэффекты.

— Поскольку речь идет о таких неподвижных, непластичных и молчаливых предметах, как здания и памятники, то эти изъяны мы решили компенсировать тем, что раньше называли бы мультиками. Щусевский музей архитектуры нам очень помогает всеми возможными материалами — документами, фотографиями, чертежами, эскизами. Взяв эти эскизы за основу, мы можем воссоздать их в трехмерном пространстве, вживить в ландшафт и «построить» силами компьютерной графики, которая во много раз превосходит возможности камеры. Например, какой была бы гостиница «Москва», если бы ее построили по тому проекту, который утвердили, а не стали бы менять по ходу дела. Это было бы что-то совсем другое, скорее напоминало бы здание газеты «Известия», чем то, что получилось в итоге. Или мы поставили Дворец Советов вместо храма Христа Спасителя, чтобы посмотреть, как бы это выглядело. Получилось абсолютно натурально. Вместо привычно-

го ты видишь совсем другую картину, и она потрясает воображение. Но мы используем этот прием не ради приема, хотя это, конечно, и само по себе очень красиво выглядит, но для того чтобы показать, как все могло бы быть. Потому что замыслов в свое время было много, а реализовались единицы.

— Кто делает вам мультики?

— Студия «Пилот-ТВ», авторы Хрюна и Степана.

— По каким принципам вы отбираете символы?

— Это самое сложное. Четких критериев нет. Единственный: когда ты понимаешь, что для всех это такой же символ, как и для тебя.

— На сколько фильмов хватит символов?

— Один фильм уже выходит, один — в монтаже, еще два сейчас снимаем, а четыре в запуске и будут к лету. Мне иногда кажется, что этот список может быть бесконечным. Понастроили в нашей стране — будь здоров.

— Как складывалась ваша жизнь между ТВС и «Россией»?

— Никак. Пришлось сразу включаться в работу. Мы едва успели: начали снимать в гостинице в тот момент, когда там уже начали все рушиться. Несколько съемок было сорвано просто потому, что рабочие сбрасывали мусор, все заволакивалось «молоком» — строительной пылью, техника ломалась, у моего редактора начался конъюнктивит, у меня «туберкулезный» кашель, и мы отсюда дружно бежали. Фактически мы снимали гостиницу, которой не было. Ну, тут можно только попенять Министерству связи, или кто там это сделал, на то, что ТВС отключили так поздно. Отключили бы пораньше, мы бы работали в нормальной гостинице.

— Ну хоть один человек согласен с закрытием ТВС, а то все жалуются...

— Ну это, как вы понимаете, очень горькая ирония. Кстати, сейчас со мной работают все те же люди, что делали со мной новости на ТВС.

— Значит, горьким воспоминаниям о ТВС нет места?

— Ну, как сказать... Во-первых, вокруг гораздо меньше тех людей. Мы, конечно, сколотили такой «Ноев ковчег». Но для меня важно было работать всем вместе не потому, что мы все так дружим, что жить друг без друга не можем, а потому, что команда работоспособная. А про ТВС лучше даже и не говорить. Тема слишком печальная, и чего сейчас ее затрагивать.

— Вы постоянно меняете роли: были комментатором, потом чистым информационщиком, сейчас снимаете документальные проекты. Насколько вам удобно в новой роли?

— Сейчас мне живется гораздо лучше, чем раньше. Я избавлена от необходимости каждый день рассказывать про какие-то кувшинные рыла, как это нужно было делать в новостях. Кроме всего прочего приятно вспомнить юность, когда приходилось подолгу корпеть над курсовыми работами. Нынешняя работа очень напоминает эти доскональные исследования. И потом, всегда нужно двигаться вперед, что-то менять, пробовать себя в других качествах. Единственное, что сложно, — перестроить привычки. Знаете, когда тебе в июне говорят, что эфир в октябре, кажется, что в запасе вечность, и не успеваешь оглянуться, как она кончилась, а ничего не сделано.

— Есть ли разница в работе на государственном и независимом канале?

— Мне трудно сказать. Я же не освещаю политические события. Наша бригада сейчас работает в абсолютно герметичных условиях. Делаем себе кино, показываем его в готовом виде — и на этом все заканчивается. В конце концов госканал свою принадлежность декларирует и ведет открытую игру. Разве у других все иначе? Они просто вуалируют этот факт тем или иным образом, вот и вся разница.

— В последнее время на телевидении появляется все больше и больше разного рода и жанра воспоминаний о былом. В чем, на ваш взгляд, привлекательность советского прошлого для ТВ?

— Я могу говорить только за себя. Мне кажется, в том периоде нашей истории еще не все точки над i расставлены. Не то чтобы я хочу это сделать, но некий взгляд нового поколения на былые величие всегда придает какую-то свежесть этим ископаемым. Еще двадцать лет назад вряд ли можно было снимать фильмы о том, что внутри у Родины-матери. Хотя, мне кажется, если мы покажем ее внутренности, нашего пиетета перед военным подвигом не убудет. Потому что мы расскажем и о другом подвиге — инженерном. И потом, лично для меня бегство в прошлое — это именно бегство. Я слишком ранена действительностью, чтобы сейчас ею заниматься. Я просто взяла тайм-аут.